

Павел Родькин

кандидат искусствоведения, преподаватель НИУ ВШЭ, научный консультант Международного научно-образовательного центра имени А.А.Зиновьева в МГУ (Россия)

Социальная контрэволюция

Что мешает ответить на вопрос: зачем нам капитализм?

Кажется, простой вопрос: зачем нам капитализм? Однако, ответ на него вызывает массу сложностей, которые носят не только научный и теоретический характер. Начнем с того, что сама постановка такого вопроса и сомнение в существующей политэкономической системе в современном обществе исключается. На это работает отлаженная экспертно-пропагандистская машина, формирующая определенную картину мира, главным выражением которой являются не только тиражируемые идеологические банальности и штампы, а элементарная невозможность мыслить в альтернативных категориях. Нам говорят: живи как есть («живи настоящим»), ни о чем не спрашивай, не в чем не сомневайся... Отсюда рождается искреннее недоумение: а разве может быть как-то иначе?

Вопрос при этом не является абстрактным или умозрительным, ведь любая экономическая и социальная система, вне зависимости от своей формы, или отвечает нашим жизненным интересам или же им противоречит. Но даже если мы осознаем необходимость постановки такого вопроса, и если он не будет осмеян массмедиа, ответить на него будет все равно невозможно.

И здесь возникает главная проблема ложной социальной идентичности. То есть ситуации, когда подчиненное большинство отождествляет и ассоциирует себя не с собственными интересами, а, например, с интересами капитала и вполне искреннее поддерживает угнетающую его систему, виртуально причисляя себя как бы к ее бенефициарам. Часто большинство довольствуется тем, что считает себя стоящим выше «бедных», «быдла», «люмпенов» и т.д. Определение социальной идентичности, поэтому, необходимо воспринимать предельно прагматически.

Интересно отметить, что «Википедия» расшифровывает идентичность гораздо честнее других сетевых

энциклопедий и словарей: «идентичность (англ. Identity) — свойство психики человека в концентрированном виде выражать для него то, как он представляет себе свою принадлежность к различным социальным, национальным, профессиональным, языковым, политическим, религиозным, расовым и другим группам или иным общностям, или отождествление себя с тем или иным человеком, как воплощением присущих этим группам или общностям свойств». В реальности же получается, что люди живут «не своими жизнями» и чужими интересами. Конечно, неизбежно возникает несоответствие реальности, которое всегда было одним из главных предметов исследования всех великих антиутопий XX века, но сегодня оно очень эффективно нейтрализуется гуманитарными и коммуникационными технологиями.

Возьмем другой пример. После статьи «Политэкономия будущего: почему в ней нет места маркетингу и брендингу» некоторые маркетологи заговорили о «правильном маркетинге», который в отличие от «псевдомаркетинга» ориентируется исключительно на удовлетворение реальных потребностей людей. Вот только в чем эти интересы заключаются — умалчивается. Потому что без понимания реальных интересов и потребностей общества ответить на этот вопрос объективно затруднительно.

Действительно, что считать благом? Общество потребления, например, дает множество материальных благ, при этом девальвируя базовые потребности: доступное образование, медицину, жилье. Но потребительские блага по сравнению с фундаментальными ценностями в массовом сознании занимают явно первое место. Аргументы за капитализм российского наемного работника, который так любит возмущаться излишним патернализмом государства, отсутствием конкуренции, неправильной стимуляцией труда и образования и т.д., будет несильно отличаться от эйфории начала 90-х. Потому что все, кто исповедует подобные взгляды, относят себя к «среднему классу», элите, капиталу, не ассоциируя себя с угнетенным классом и с бедными.

Не случайно, ложные идентичности являются важнейшим идеологическим инструментом общества потребления. Тот же маркетинг и брендинг уже давно работают не только с товаром, а непосредственно с человеком, формируя и навязывая ему представления о самом себе. На более глобальном уровне потребление формирует социальную идентичность целых классов, но только в виде «товара» выступает ценность самой системы. Поэтому, чтобы адекватно ответить на вопрос — справедлива ли система, необходимо попытаться избавиться от информационных фильтров и ложных социальных образов, «брендов» и целей существования.

Таким образом, без возвращения классового сознания ответить на вопрос: зачем нам капитализм — невозможно. Термина «классовое сознание» не следует бояться, потому что играющий с безоружной жертвой

Без возвращения классового сознания ответить на вопрос: зачем нам капитализм — невозможно. Термина «классовое сознание» не следует бояться, потому что играющий с безоружной жертвой капитал воспринимает общество именно в рамках классового сознания

капитал воспринимает общество именно в рамках классового сознания.

В современном российском обществе, в отличие от западного, классовое сознание атрофировано, вернее его просто нет. Подобная атрофия началась еще в СССР, но по иным причинам: большинство было социально защищено, осознавать и тем более бороться за свои интересы (как в буржуазной капиталистической системе) не требовалось. Теперь же без нового классового сознания не выжить. Но для этого необходимо понимать — к какому классу общества каждый из нас относится и что нам, выражаясь языком капитализма, — выгодно.

«Рабство 2.0»

Современная экономика не может работать, опираясь исключительно на экономические средства и инструменты. Иначе мы должны были бы принять на веру догму о «невидимой руке» чистого рынка. Одним из двигателей экономики является принуждение

через гуманитарные и коммуникационные технологии (маркетинг, брендинг, пиар, реклама и т.д.). Проблема заключается в том, что сложившиеся способы принуждения имеют свой предел, который может быть преодолен только средствами репрессивного воздействия, которое, в свою очередь, не будет долгосрочным без безоговорочного принятия его со стороны индивида. Таким образом, чтобы сохранять власть и богатство, элита вынуждена менять не просто рынки или потребности человека, а саму социальную, а возможно, и биологическую структуру человечества.

Этот процесс носит осмысленный и прогнозируемый характер. Как отмечает в работе «Логическая социология» Александр Зиновьев: «...во второй половине XX века произошёл перелом в самом типе эволюционного процесса: степень и масштабы сознательности исторических событий достигли такого уровня, что стихийный эволюционный процесс уступил место проектируемой и управляемой эволюции. Это, напомним, не означает, будто всё в эволюции человечества стало планироваться, и ход эволюции стал управляться в соответствии с планами. Это означает, что целенаправленный, планируемый и управляемый компонент эволюционного процесса стал играть определяющую роль в конкретной истории человечества». В этом контексте сегодня приходится говорить именно о социальной контрэволюции, как явлении, направленном на закабаление самого эволюционного процесса человечества.

В чём выражается данный процесс и что же уготовано человеку? Чтобы изменить структуру человечества, необходимо будет изменить социальные институты, экономическую и политическую модель, а главное — самого человека. Люди должны будут принять установившуюся систему как естественную и воспринимать свои роли и обязанности (подчиняться, служить и приносить прибыль) в общей системе как подлинные. Но осуществить это будет не так просто, потому что человек до сих пор являлся «камнем преткновения» для абсолютной власти.

Современное человечество крайне неоднородно, что позволяет сохраняться структурам, потенциально являющимся альтернативой. Концепция идеального общества недаром связывалась с однородностью (гомогенностью) — утопическим обществом тотального благоденствия или антиутопическим тоталитарным обществом всеобщего насилия. Главное, что система будет тотальной и новая структура человечества установит такую однородность, в которой все без исключения классы, не входящие в состав элиты, станут рабской силой.

В новой структуре будут разрушены все различия и дифференциации (создававшие до сих пор относительную независимость отдельных общественных групп) через «аннулирование» их социальных статусов. Профессор, разнорабочий, врач, инженер, менеджер, военный и т.д. — все будут уравнены в статусе рабов. Объединение классов общества приведёт к установке единственного социального разделения: «капитал-власть» — «работник-раб». Таким образом, осуществится фундаментальный поворот назад, к рабству или, выражаясь современным языком, «рабству 2.0», распространяющемуся на всю планету. Рабами тогда станут не отдельные классы или народы, а все люди. Каждый индивид автоматически превратится в глобального недочеловека.

z Трансформировать структуру человечества невозможно без взлома и разрушения «герметичных» социальных систем, которые оказывают сопротивление всепроникающей силе капитала и дегуманизации, консервируя социальную идентичность (синоним независимости) человека. Герметичность социальных структур, которая была сохранена, например, в СССР, совсем не означает социальную, профессиональную и культурную закрытость. Как раз наоборот, кастовость и отсутствие социальных лифтов, как бы они ни маскировались, характерна как раз для капитализма. Одной из таких герметичных систем является наука, при этом её советский вариант в данном случае самый показательный. Ведь наука включает не только собственно научную деятельность, но и определённый образ жизни, культурный досуг и т.д. Научную элиту можно сломать экономически, но невозможно интел-

and Think»), делает свободное и неподконтрольное распространение и восприятие информации невозможным.

Иными словами, изменения структуры человечества неразрывно связаны с перепрограммированием природы человека, который примет упрощённую структуру (господин — раб, элита — все остальные) как естественное положение вещей и не сможет критически её осмыслить. Это долгосрочный процесс социальной контрреволюции, который, впрочем, вследствие своей исторической протяжённости даёт шанс на сопротивление. Новой социальной структуре человечества нужно противостоять не только экономически и политически, но и гуманитарно, и культурно.

Новой социальной структуре человечества — «рабству 2.0» — нужно противостоять не только экономически и политически, но и гуманитарно, и культурно

лектуально и культурно. А такие люди в новой структуре не нужны и опасны.

Пока герметичные сообщества складываются на другом полюсе социального бытия в виде социальных «чёрных дыр» наподобие «прекариата» (обездоленной группы, не связанной обязательствами ни с государством, ни с обществом). Можно утверждать, что прекариат в ближайшем будущем будет расширяться не только благодаря «деклассированным» элементам; уровень образования среди молодёжи в современном западном и российском обществе всё меньше связан с уровнем востребованности. Но подобные сообщества не представляют опасности для системы, несмотря на их деструктивный характер они встраиваются в неё таким образом, что вредят только самому обществу, но не капиталу. Функции маргинальных, брошенных классов и слоёв общества заключаются не в производстве продукта, а в воспроизводстве бедности, через которую осуществляется управление обществом.

Контуры будущей структуры человечества можно увидеть в интенсивно навязываемой инновационной экономике, «побочным» эффектом которой является уничтожение социальной и гуманитарной автономии человека и невозможность создания и воспроизводства герметичных социальных групп. Так, например, в рамках новой социальной мобильности люди должны будут перемещаться с места на место и менять профессии. Те же, кто не сможет адаптироваться, разумеется, будут обречены на вымирание, а т.н. революция больших данных, которая «изменит то, как мы живём, работаем и мыслим» (так звучит название книги Виктора Майер-Шенбергера и Кеннета Кукьера «Big Data: A Revolution that Will Transform How We Live, Work,